

Сергей Голлербах

Встречи с академиком Дмитрием Лихачевым

Сергей Голлербах. Родился в 1923 году в Царском Селе. Живописец, график, художественный критик и эссеист. Начиная учиться живописи в ленинградской Средней художественной школе при Ленинградской Академии художеств с января 1941 года, но был вывезен немцами из оккупированного пригорода Ленинграда на работы в Германию. В 1946–1949 гг. учился в Мюнхенской академии художеств. Автор ряда изданных книг. Член Американской академии художеств. Живет в Нью-Йорке.

Люди, которым в течение их жизни пришлось познакомиться со знаменитостями, вспоминают эти встречи с чувством глубокой благодарности, так как они обогатили их и расширили их кругозор.

К числу таких счастливых людей принадлежит и автор этих строк. Ровно в это же летнее время двадцать один год тому назад я познакомился во Франции с академиком Дмитрием Сергеевичем Лихачевым. Кто этот человек, объяснять не надо, он всем известен. Скажу только, что его, Александра Солженицына и Андрея Сахарова считают совестью современной России. Однако встреча с Дмитрием Лихачевым не состоялась бы, если ровно сорок три года тому назад я не познакомился бы с другим замечательным человеком, дружба с которым сыграла большую роль в моей жизни.

Об этих двух встречах я и хочу рассказать.

Начну с того, что летом 1975 года в моей мастерской в Нью-Йорке раздался телефонный звонок, и приятный мужской голос по-русски передал мне привет от моего парижского знакомого художника Сергея Петровича Иванова. Старый эмигрант, друг Александра Бенуа и Зинаиды Серебряковой, Сергей Петрович после окончания Второй мировой войны жил лет десять в Соединенных Штатах, сначала в Сан-Франциско, а потом в Нью-Йорке, где я с ним и познакомился.

Естественно, я спросил, с кем имею удовольствие говорить.

— Меня зовут Ренэ Герра, — последовал ответ.

— Но Вы русский? — спросил я.

— Нет, я — француз.

Я сразу же пригласил его к себе, и на следующий день мы встретились у меня в мастерской.

Ренэ Юлиановичу тогда было двадцать девять лет, приятной наружности, с темной бородкой, он походил на русского из интеллигентной семьи и говорил на чистейшем русском языке без всякого акцента. Я узнал от него, что он прибыл в Нью-Йорк проведать Романа Борисовича Гуля, долголетнего редактора «Нового Журнала», старейшего в эмиграции, основанного в 1942 году писателями Иваном Буниным, Марком Алдановым, журналистом и поэтом Михаилом Цетлиным. Ренэ Юлианович сказал мне также, что его учительницей русского языка была поэтесса Екатерина Леонидовна Таубер, и что он интересуется русским искусством и коллекционирует картины русских художников-эмигрантов, проживающих во Франции.

Я не знал тогда, что передо мной стоит будущий крупнейший коллекционер русского искусства Серебряного века, и что его собрание картин, рисунков, манускриптов и книг является уникальным во всем Западном мире.

В самый разгар «холодной войны» Ренэ Герра получил возможность учиться в МГУ в Москве, но был вскоре оттуда изгнан за свои взгляды, будучи противником советской диктатуры. Любовь к русской культуре сочетается в нем с неприятием всего советского, включая людей советской формации. Свою переписку с советскими властями он заканчивал словами «с глубоким неуважением, такой-то».

Ренэ Юлианович и я сразу же подружились, и в 1976 году мы с женой навестили его в Париже, в предместье Медон, где он жил со своей женой Екатериной Андреевной, дочерью старых русских эмигрантов. Она говорила по-русски с легким французским акцентом, в то время как ее муж, француз, говорил как природный русский.

В Медоне проходили «подмедонские вечера» — встречи с русскими прозаиками и поэтами. Вскоре Ренэ Герра переехал на жительство в свой дом в Исси-ле-Мулино, тоже предместье Парижа, и там я имел возможность познакомиться со многими сокровищами его коллекции.

Во Франции я часто бывал и до моего знакомства с Ренэ Герра, так как моя жена — тоже дочь старых русских эмигрантов, — родилась в Париже. Почти каждый год мы проводили наш отпуск в Париже или на юге Франции, в Каннах, где жил ее дядя. Я уже много раз бывал в Лувре, посетил Версаль, сидел в кафе на бульваре Сен-Жермен. Но Ренэ Герра расширил мои знания об этой прекрасной стране, которая всегда была близка свободомыслящему русскому человеку. На своей маленькой машине он отвез меня в Барбизон, показал старинный замок в Рамбуйе, а главное — город Ниццу на юге Франции и все прекрасные места Лазурного берега, откуда семья Герра была родом.

— Мы — из кулаков, — говорил он смеясь. Какие-то злые языки пустили слух, что он не француз, а русский, и настоящая его фамилия — Герасимов, и поэтому он так хорошо говорит по-русски. Опровергну этот слух, так как я имел удовольствие познакомиться с его родителями, чистокровными французами.

Моим знакомством с «последними из могикан» — русскими художниками-эмигрантами, приехавшими во Францию после революции, — я тоже обязан Ренэ Юлиановичу. Он познакомил меня с художниками Львом Заком, Михаилом Андреевко-Нечитайло, Дмитрием Бушеном и искусствоведом Сергеем Эрнстом. Позднее мы с ним вместе поехали в Монжерон и там встретились с Александром Глезером, организатором «бульдозерных выставок» и коллекционером диссидентского искусства. Уже известный профессор-славист, Ренэ Герра основал издательство «Альбатрос», где печатались проза и поэзия русских эмигрантов. В 1992 году усилиями Ренэ Герра и его брата Алена и при содействии городских властей открыта была большая выставка под названием «150 лет русского присутствия на юге Франции». Выставку эту посетил посол Российской Федерации во Франции Юрий Алексеевич Рыжов.

В 1995 году часть коллекции Герра была показана в Государственной Третьяковской галерее в Москве. В городке Берр-лез-Альп братьями Герра был открыт Франко-русский дом, где могли жить и работать русские художники. В их числе были Ирина Макарова, Михаил Ромадин и Оскар Рабин. Наконец, к моему семидесятипятилетию Ренэ Юлианович устроил мне персональную выставку в городке Вильфранш-сюр-Мер.

Я мог бы назвать еще много случаев его внимания к моему творчеству, за что я ему остаюсь глубоко благодарен. Но дело, конечно, не во мне, а в том, что он сделал для русского искусства. Надо сказать, что французская либеральная интеллигенция, придерживающаяся левых, а то и явно прокоммунистических убеждений, не считала творчество русских эмигрантов достойным внимания. Советский же Союз вообще отрицал возможность плодотворного, успешного творчества вне Родины. Не будь Ренэ Герра, произведения русских художников-эмигрантов в лучшем случае были бы разбросаны, распроданы, а в худшем — забыты и утеряны. К счастью, этого не произошло, и Россия должна быть благодарна Ренэ Герра за спасение большей части русской культуры Серебряного века от ее гибели.

А теперь — о моей встрече с академиком Дмитрием Сергеевичем Лихачевым. Оказалось, что Ренэ Герра познакомился с ним еще в 1992 году в Венеции, где открылась выставка «Русский символизм и Дягилев». Многие картины туда поступили из коллекции Герра. Академик Лихачев был, по словам Герра, «петербургским потомственным интеллигентом», и сразу же покорило сердце французского слависта. Между ними завязали

С. Голлербах и Р. Герра в мастерской С. Иванова. Париж, 1976. © Р. Герра.

лись дружеские отношения. Ренэ Герра был гостем Дмитрия Сергеевича в Петербурге.

Особенно знаменательна была встреча их в 1997 году. Академик Лихачев прибыл на юг Франции, на самую ее границу с Италией, для получения премии за свою книгу «Поэзия садов». Она издана была годом раньше в Турине на итальянском языке в издательстве Giulio Einaudi.

Вот что писал Ренэ Герра в своей статье, вышедшей в Петербурге по случаю Лихачевских чтений в 2008 году:

«Церемония вручения происходила 12 июля в Giardino Hanbury в знаменитых садах Лигурийского побережья, которые создал в 1867 году Sir Thomas Hanbury. Получая премию в этих старейших и известнейших садах Средиземноморья на границе Италии с Францией, Дмитрий Сергеевич сказал: "...эта премия, может быть, самая приятная из тех, что я получал, потому что я не специалист по садам. Садами я стал заниматься только по велению души и сердца... Я решил, что не случайно Бог поселил человека в раю посреди природы. У меня такое впечатление, что война, которая ведется сейчас с природой — это от атеизма... То, что создал Бог, всегда прекрасно"».

С. Голлербах, Р. Герра, Д. Лихачев. Эз, июль 1997. © Р. Герра.

К эстетическим взглядам Лихачева вернусь позже, а пока расскажу о личной с ним встрече.

Дмитрию Сергеевичу был тогда уже девяносто один год, и приехал он вместе со своей внучкой, художницей Зинаидой Курбатовой, и малолетней правнучкой Верочкой. Остановился он в доме своей старой знакомой Марины Бенцони в маленьком городке Эз. Там я и встретил знаменитого гостя. Высокого роста, худощавый, он опирался на палочку, но держался прямо. Его манеры и речь выявляли человека еще старой, дореволюционной формации, хотя всю свою жизнь он провел в Советском Союзе.

По предложению Ренэ Герра, Дмитрий Сергеевич любезно согласился позировать мне для быстрых портретных набросков акварелью. Один из них я подарил ему, другой — Ренэ Герра. Кроме того, я сделал еще один рисунок по памяти, изобразив Дмитрия Сергеевича, его внучку и правнучку со спины, и подарил его Зинаиде Курбатовой. Получив его, она улыбнулась и сказала: «Вы подметили, что у дедушки ноги иксом. Дедушка всегда говорил, что ноги иксом — признак интеллигентности».

Вторая моя с ним встреча состоялась на следующий день в Ницце в музее Матисса. Там проходила тогда выставка художников, писавших пейзажи Лазурного берега Франции. Директор музея обязательно захотел показать ее именитому гостю, а Ренэ Герра согласился быть пере-

водчиком. Я решил подождать их в саду музея, показ продолжался часа полтора, и удивительно было, как это выдержал такой престарелый человек.

По окончании визита Дмитрий Сергеевич сел на скамейку рядом со мной, а Ренэ Герра пошел доставать автомобиль. Перед скамейкой находилась большая клумба цветов. Посмотрев на нее, Дмитрий Сергеевич сказал: «Вот эта клумба цветов красивее всех картин, которые я видел в музее». Эти слова мне хорошо запомнились.

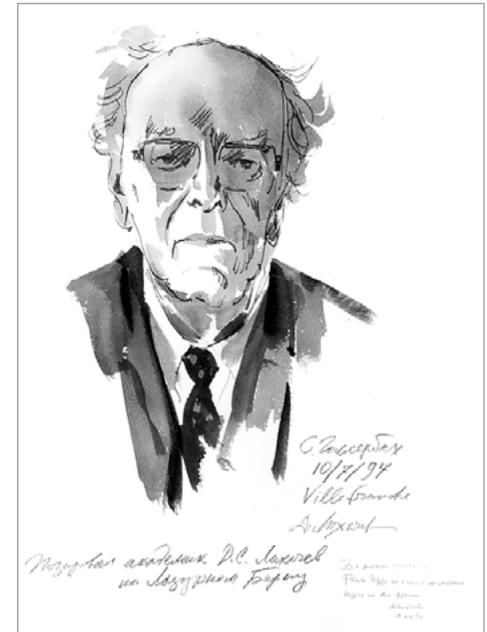
Дмитрий Сергеевич был честным человеком, говорил что думает, «жил не по лжи». Его слова заставили меня задуматься над словом «искусство», в корне которого заложен «искус», то есть нечто греховное. Прилагательное от него — «искусственный», то есть не настоящий. Видно, для академика Лихачева остро существовала эта разница — между природой и всем, что создано руками человека.

«Сад — это союз Бога и человека, когда-нибудь мы вернемся в этот рай...», — писал Дмитрий Сергеевич Ренэ Герра.

Можно, конечно, оспаривать такие взгляды академика Лихачева, вспомнив Чарльза Дарвина. Известно, что, закончив свои труды «Происхождение видов» и «Выживание сильнейших», британский ученый впал в депрессию. Он понял, что в жизни сильнейшая тварь поедает слабейшую, и это и есть жестокий закон жизни. Как совместить его с верой академика Лихачева в красоту природы и в божественное ее начало?

Думаю, что ответ может быть таков: если убрать из жизни понятие красоты и отрицать ее божественное происхождение, то весь мир огрубевает и озверевает до такой степени, что жить в нем будет одно страдание, в нем не будет радости.

Конечно, на эту тему можно спорить до бесконечности, но точку зрения и веру академика Лихачева нельзя отвергнуть. А он-то как раз знал

Портрет Д. С. Лихачева работы С. Л. Голлербаха. 1997. © Р. Герра.

все ужасы жизни (Соловки, преследования со стороны властей), но душою пришел к поэзии садов. Какая это сила духа!

Надо сказать, что Ренэ Герра был глубоко впечатлен личностью академика Лихачева и высоко ценил все его труды. Но и Дмитрий Сергеевич чувствовал глубокую симпатию к любящему русскую культуру французу. В письме, датированном 19 февраля 1998 года, он писал: «Дорогой Ренэ Юлианович, я восхищаюсь вашей деятельностью, вашим умом и принципиальностью», в том же письме рукой Лихачева были нарисованы два цветка.

Что же касается меня, то, как я уже сказал выше, знакомство со знаменитыми людьми обогащает человека, и я благодарен судьбе, что встретил этих двух людей. С Ренэ Юлиановичем Герра у меня продолжается крепкая дружба, а личность Дмитрия Сергеевича Лихачева для меня напоминание о том, что даже в самые тяжелые минуты жизни надо помнить о красоте природы, о цветах — и это помогает нам жить.

**Вместо послесловия:
человек, сохранивший себя в потоке беспощадного времени**

1 ноября 2018 года Сергею Львовичу Голлербаху, художнику и мыслителю, заметной личности в культуре русского зарубежья, исполнилось девяносто пять лет. У юбиляра за плечами бессчетное количество персональных выставок и немало книг, начав читать которые, уже невозможно от них оторваться. Эти книги в разное время выходили в Англии, Франции, США и России.

Вот уже больше пятидесяти лет Сергей Львович живет в Нью-Йорке. Петербуржец по рождению, он, несмотря на то, что большую часть своей жизни провел за пределами России, сохранил в себе основные качества русского интеллигента. Он относится к тому психологическому типу человека, который, как был убежден академик Дмитрий Лихачев, свободен в своих убеждениях и не подчинен идеологическим обязательствам. По мнению русского ученого, основной принцип русской интеллигенции — интеллектуальная свобода, — свобода как нравственная категория. «Не свободен интеллигентный человек только от своей совести и от своей мысли», — вот окончательный вывод Дмитрия Лихачева, прожившего далеко не спокойную жизнь.

Всем этим критериям интеллигентного человека в полной мере соответствует Сергей Львович Голлербах, чьи молодые годы прошли в исключительно неблагоприятных условиях. Однако ему удалось их прожить, как и академику Дмитрию Лихачеву, с достоинством, и сохранить в себе способность к состраданию.

Человек, относящийся к незнакомым людям по-родственному, встречается в современном обществе все реже и реже. Свою способность любить людей художник и писатель, повидавший на своем веку немало злодеяний, подтвердил решительным неприятием любой лжи и насилия, а также собственным творчеством. Вера пращуров, искренность и порядочность, культивируемые в семье, со временем выковали мягкий и покладистый от рождения характер Сергея Львовича Голлербаха, помогли ему стать тем, кем хотели видеть его отец и мать — свободным и нравственным человеком, несгибаемым в сопротивлении невежеству и безвкусице, последовательным в своих человеческих и художественных пристрастиях.

Эссе Сергея Львовича Голлербаха о Дмитрие Сергеевиче Лихачеве — это дань уважения великому ученому и человеку, признание сопричастности его миру свободного творчества и клятва верности выжившему в катастрофах XX века духовному ордену русской интеллигенции.

*Александр Сенкевич
филолог, прозаик, поэт*